

М. Дамирли,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры права Европейского Союза и сравнительного правоведения Национального университета «Одесская юридическая академия»

КРИТЕРИИ НАУЧНОСТИ СРАВНИТЕЛЬНОГО ПРАВОВЕДЕНИЯ

В истории сравнительного правоведения в силу целого ряда причин существовали различные подходы к определению его статуса. На сегодняшний день сложилось несколько точек зрения по данному вопросу, но они колеблются между двумя противоположными позициями: 1) позиция, отводящая сравнительному правоведению роль простого метода; 2) позиция, признающая сравнительное правоведение наукой. При этом участники дискуссий по обсуждаемой проблеме зачастую довольствуются лишь общими рассуждениями. Не отличается особой обоснованностью также позиция тех ученых, которые рассматривают сравнительное правоведение как относительно самостоятельную науку: и для них характерны расплывчатость и сомнительность. Они не могли выдвинуть серьезных аргументов в обоснование статуса сравнительного правоведения как самостоятельной науки и контраргументов в опровержение доводов противоположной позиции. В этой связи симптоматичной является позиция М. Богдана, который хотя и признает научный характер исследований, проводимых в области сравнительного правоведения, но в то же время задается вопросом о том, может ли сравнительное правоведение только на этой основе рассматриваться как самостоятельная наука. Между тем справедливым представляется замечание автора о том, что до сих пор «нет общепринятого критерия, который именно конституирует самостоятельную область научного исследования. Как и нет четкого размежевания сложившихся традиционных правовых дисциплин; границы, вместо того обычно устанавливают, руководствуясь практическими соображениями,

которые, кроме того, часто еще большей мерой зависят от дидактических, чем научных или теоретических начал» [1, 25].

В силу сказанного и возникают вопросы, ожидающие своего ответа: действительно, имеются ли достаточные основания для создания особой науки — сравнительного правоведения? Что должно лежать в основе разграничения различных правовых дисциплин: практические потребности, академические (педагогические), научные (теоретические) или какие-то иные соображения? Существуют ли критерии, благодаря которым мы сможем определить статус сравнительного правоведения как самостоятельной науки?

Итак, дальнейшей задачей является поиск ответов на эти вопросы.

В философии науки разработаны критерии научности вообще, одинаково экстраполируемые на все науки. Обычно выделяются такие критерии научности, как предметность, однозначность, определенность, точность, системность, воспроизводимость, объективность, эмпирическая и теоретическая обоснованность, логическая доказательность и непротиворечивость, проверяемость (подтверждение (верификация) или опровержение (фальсификация)), полезность, валидность, простота, постоянная методологическая рефлексия, открытость для критики, свобода от предвзятости и тенденциозности и др. [см., напр.: 2; 3; 4, 12–13; 5, 17].

На мой взгляд, наряду с указанными критериями научности, которые характерны для науки вообще как родового понятия и поэтому могут быть названы общими, необходимо выделить специальные критерии научности, которые

должны устанавливаться в отношении науки как видового понятия, т.е. для каждой отдельной науки, и призваны подчеркнуть специфичность отдельных наук, определить их границы, решать проблемы размежевания их с другими родственными науками. Они позволяют также определить исторический рубеж, с которого начинается полноценная «жизнь» отдельных наук.

Я считаю, что, опираясь на философию науки, в качестве таковых можно выделить, как минимум, три категории критериев: онтологические, гносеологические (эпистемологические) и институционально-организационные.

Теперь рассмотрим их последовательно.

1. Онтологические критерии научности сравнительного правоведения. Онтологические критерии какой-либо науки, на мой взгляд, базируются на объективных характеристиках изучаемой этой наукой реальности (ибо онтология — это учение о бытии). Поэтому выяснение этих критериев предполагает, прежде всего, установление объективных предпосылок для ее существования. Однако главное условие создания самостоятельной социальной науки, как утверждал еще создатель социологии О. Конт, — это выделение специфической реальности, не изучаемой никакими другими науками.

Стало быть, в онтологическом плане научный статус сравнительного правоведения будет доказан, если, во-первых, будут выявлены объективные предпосылки сравнительного изучения правовой реальности и при этом будет выявлено наличие специфической области правовой реальности, изучением которой занимается лишь сравнительное правоведение; во-вторых, будет показано, что в практическом плане сравнительное изучение этой области является достаточно важным (практическая необходимость), в-третьих, будет установлено, что она не изучается другими науками, появившимися раньше сравнительного правоведения и потому не делающими последнюю как самостоятельную науку излишней. Следует подчеркнуть, что

эти вопросы могут быть рассмотрены лишь в комплексе.

Как показывает история социальных наук, их становление связано с объективными условиями, назревшими потребностями общественной жизни, задачами практики и образования. Следовательно, потребность в сравнительном анализе, впоследствии и в самой сравнительно-правовой науке появилась через саму реальную жизнь, складывалась в соответствии с потребностями правовой практики и юридического образования.

В современном мире бытие права отличается не только единством, но и многообразием, которое обусловлено различными факторами: природными, географическими, историческими, политическими, экономическими, духовно-культурными (влиянием религии, традиции, культуры, языка), собственно юридическими.

Основой многообразия бытия права, прежде всего, является территориальное расчленение правовой реальности на множество правовых образований — правовые системы. Они существуют в рамках отдельных государств (национальные правовые системы) и регионов (интеграционные правовые системы), а равно в межгосударственном масштабе (международная правовая система). Многообразие права проявляется также в содержательном расчленении правовой реальности. Срезами этой реальности выступают: конституционно-правовая реальность, гражданско-правовая реальность, уголовно-правовая реальность и т.д. Такое расчленение происходит в рамках отдельных правовых систем.

Единство и многообразие в мире права находит свое отражение еще и в наличии национального и всеобщего в праве, в существовании в нем универсального и культурно-особенного, которые могут быть осмыслены надлежащим образом лишь через сравнение.

Таким образом, единство и многообразие правовой реальности является первоосновой сравнения. Оно здесь выступает общей методологической установкой практики. Тем самым срав-

нение превращается в способ существования.

Другой объективной предпосылкой специального сравнительного изучения правовой реальности является наличие реальных отношений и связей между территориально расчлененными правовыми образованиями: это отношения взаимосвязи, взаимодействия и взаимозависимости. В рамках мирового правового пространства всякая правовая система сосуществует со множеством других правовых систем. История человечества фактически не знает примеров абсолютно изолированного социального и культурного (следовательно, и правового) развития при отсутствии взаимодействия между отдельными обществами. В правовой сфере это взаимодействие осуществляется в целях взаимопонимания и сотрудничества, взаимного использования положительного опыта по решению правовых проблем. Сосуществование правовых систем и их согласование ставит задачу их систематического сравнительного изучения. Это и служит еще одним онтологическим основанием необходимости сравнительного правоведения как самостоятельной науки.

В историческом плане указанные связи и отношения в большей или меньшей мере были всегда, однако получили широкий размах со времен великих географических открытий, интернационализации экономики и расширения экономической взаимозависимости государств, экспансии колониализма, развития международных отношений и торговых связей. Все это неизбежно привело к преодолению национальной замкнутости, к взаимодействию и взаимовлиянию национальных правовых систем. Национальная ограниченность становится все более и более невозможной, образуется международное правовое пространство. Плоды юридической деятельности отдельных наций становятся общим достоянием. Еще Р. Иеринг отмечал, что именно в Новое время правовые системы, ранее развивавшиеся порознь, «не бегут более рядом, не соприкасаясь друг с другом, но перекре-

щаются, соединяются в одну ткань...» [6, 8]. Указанные процессы требовали выхода за рамки национального права. Подготовлена была практическая почва для становления сравнительного правоведения. Таким образом, с того же времени происходила онтологическая институционализация той сферы правовой реальности, на изучение которой претендует сравнительное правоведение.

Все правовые науки по определению занимаются освоением общей «территории» — правовой реальности. Однако правовая реальность как целостное явление изучается лишь общетеоретическими правовыми науками (общая теория права, философия права, социология права). В отношении отраслевых правовых наук, да и науки международного права можно говорить об определенном расчленении правовой реальности. В таком случае, например, для науки международного права специфической будет международно-правовая реальность, для науки конституционного права — конституционно-правовая реальность, для науки уголовного права — уголовно-правовая реальность и т.д. Дело в том, что и эти указанные отдельные срезы правовой реальности не исключаются из «территории» изучения сравнительного правоведения. Тем самым следует констатировать в некотором отношении совпадение области изучения сравнительного правоведения с областью изучения других правовых наук. Однако этими последними отдельные правовые системы изучаются изолированно, вне взаимосвязи и взаимодействия с другими правовыми системами, что составляет специфическую область правовой реальности, изучением которой занимается лишь сравнительное правоведение.

2. Эпистемологические критерии научности сравнительного правоведения. Для признания сравнительного правоведения как самостоятельной науки онтологических критериев недостаточно, ибо, как это видно из вышеприведенного, область изучения сравнительного правоведения в определенной мере (частично) совпадает

с областью изучения других правовых наук. Поэтому немалое значение имеют критерии другой категории — гносеологические (т.е. научно-познавательные, которые также могут быть названы эпистемологическими или когнитивными) критерии.

В эпистемологическом плане научный статус сравнительного правоведения будет доказан, если, во-первых, будет установлено, что выше выделенная область явлений для своего исследования требует специальной науки (концептуальная необходимость); во-вторых, будет выявлено наличие особой познавательной установки (или ракурса рассмотрения); в-третьих, будет показано, что сравнительное правоведение — это познание, непосредственно нацеленное на достижение новых научных знаний и/или знаний, целенаправленных на дальнейшее познание и преобразование объекта.

Если онтологические критерии исходят из фактических связей явлений, то эпистемологические — из их «мысленных» связей. В этой связи исходной эпистемологической предпосылкой специального сравнительного изучения правовой реальности является наличие отношений сходства и различия (общее, особенное и единичное), которые могут быть выявлены и познаны надлежащим образом лишь через сравнение.

Понятно, что не всякое применение сравнения можно считать специально-научным и, следовательно, не всякое сравнительно-правовое знание — продуктом самостоятельной сравнительно-правовой науки. Для того чтобы такие знания могли считаться специально-научными, право должно стать объектом особой познавательной установки (или особого ракурса рассмотрения). Следовательно, наличие особой познавательной установки, специфического подхода к изучаемому объекту является одним из главных эпистемологических критериев.

Для сравнительного правоведения таковым является сравнение. Но сравнительное правоведение от других правовых наук отличается тем, что здесь

сравнение применяется систематично. Более того, сравнение в этом случае выступает не просто методом, а методологической исследовательской стратегией, доминирующей методологической установкой, ориентиром познания.

Именно систематическое применение сравнения в познании права привело, с одной стороны, к накоплению значительного материала, нуждающегося в систематизации, а с другой — к развитию сравнительно-правового метода и необходимости разработки сравнительно-правовой методологии, требующих, в свою очередь, особого рода деятельности, которая называется наукой.

Важнейшим эпистемологическим фактором возникновения сравнительного правоведения стала также потребность в расширении географического кругозора правовой науки. Эта потребность была достаточно острой и объяснялась тем, что правовая наука времени конструирования сравнительного правоведения ограничивалась национальными границами. Критикуя положение дел в современной ему правовой науке, Р. Иеринг писал: «Наука спустилась на ступень правоведения той или другой страны, научные границы в юриспруденции совпали с политическими. Униженное, недостойное науки положение! Но от нее самой зависит перейти эти границы и обеспечить за собой на все последующие времена в другой форме — в форме сравнительного правоведения характер всемирности, который она так долго имела. Ее метод делается другим, ее взгляд делается шире, ее суждение зреее, ее обработка материала свободнее и таким образом мнимая потеря обратится в самом деле к ее истинному благу, поднимет ее на высшую ступень научной деятельности» [6, 12].

Важным эпистемологическим критерием научности любой отрасли знания является не просто научный характер получаемых здесь знаний, а непосредственная нацеленность ее на достижение новых научных знаний и/или знаний, целенаправленных на дальнейшее познание и преобразование объекта.

Действительно ли сравнительное правоведение не производит новое знание, как это утверждается некоторыми учеными?

Критический анализ специальной литературы по этому вопросу свидетельствует о том, что, во-первых, такой взгляд основывается на ограниченном понимании функций сравнения, согласно которому роль этой методологической процедуры сводится просто к констатации наличия сходства и различий сравниваемых объектов, а в такой констатации не содержится никакого другого знания, кроме знания, которое чаще всего известно до самого процесса сравнения. При этом сравнение представляется самоцелью сравнительно-правовых исследований, а установление указанных отношений (сходств и различий) — единственной функцией сравнения.

На мой взгляд, в данном случае не уделяется достаточного внимания отличию применения сравнения в сравнительном правоведении от использования его в других правовых науках. Дело в том, что сравнительное правоведение существенно отличается от простого применения сравнительного метода в других правовых науках, результатом которого являются лишь фрагментарные знания. В этой связи в литературе совершенно обоснованно выделяются «сравнение, направленное на познание», и «сравнение иллюстративного плана» [7, 62]. В последнем случае сравнение применяется в других правовых науках для простой констатации сходств и различий. Безусловно, такое сравнение не может быть самоцелью специальных сравнительно-правовых исследований, а поиск сходств и различий — не единственной задачей. Функции сравнения шире простого выявления сходств и различий между сравниваемыми правовыми системами. Главным в специальных сравнительно-правовых исследованиях является не установление указанных отношений, а их познание, на что обратил внимание еще И. Кант. «Одно дело различать вещи и совсем другое — познавать различие между вещами» [8, 26] — писал он.

Простая констатация сходств и различий является лишь начальной стадией применения сравнения в сравнительном правоведении, за которой должен последовать более сложный сравнительно-правовой анализ, ориентированный на: изучение реальных причин, порождающих сходства и различия, а равно выявление и объяснение наиболее глубоких и сложных из связей правовых систем — причинно-следственных отношений; установление взаимодействия и взаимовлияния правовых систем; интерпретацию специфического опыта и путей развития отдельных правовых систем; выяснение общих тенденций в развитии правовых систем, установление закономерностей их эволюции; выявление сущностных оснований, сближающих национальные правовые системы; получение глубоких обобщений, типологий, классификаций моделей, образцов правовых решений и т.д. Как нетрудно заметить, в сравнительно-правовом познании содержится нечто сверх устанавливаемых отношений сходства и различия, и это нечто является новым знанием, которого мы не имели до акта сравнения. А содержание этого знания определяется только что перечисленными познавательными возможностями сравнительно-правового познания.

Во-вторых, упомянутый взгляд основывается на таком ошибочном мнении, что сравнительное правоведение опирается лишь на один метод познания — сравнительно-правовой.

Совершенно очевидно, что использованием исключительно одного сравнительно-правового метода, каким бы познавательным потенциалом он ни обладал, невозможно полностью и всестороннее познать право, охватить все его плоскости, аспекты в их временном и пространственном измерении, выявить глубинные связи. Сравнение — необходимый доминирующий, но не единственный компонент методологии сравнительного правоведения. Как и всякая наука, сравнительное правоведение включает определенную систему, целый комплекс методологических инстру-

ментов. К тому же, с одной стороны, систематическое применение сравнения не исключает использования других специальных методов познания, а с другой стороны, применение последних обусловлено природой и спецификой самой изучаемой реальности и задачей создания более или менее целостной ее картины. В этом ключе методология сравнительного правоведения может быть представлена как «ансамбль» взаимосвязанных элементов. Она строится на сочетании, с одной стороны, сравнительно-правового подхода, который является доминирующим в ее структуре, и с другой стороны, остальных подходов и методов познания. При этом следует учесть, что в рамках самого сравнительно-правового подхода может быть использована целая совокупность, определенная система методов и принципов. В некоторых случаях посредством переплетения сравнительно-правового подхода с иными методологическими инструментами образуются его разновидности, например, сравнительно-логический, сравнительно-исторический, сравнительно-типологический и т.д.

Итак, научно-познавательные возможности сравнения в сочетании с эвристическими способностями других подходов и методов познания обеспечивают получение нового сравнительно-правового научного знания.

3. Институционально-организационные критерии научности сравнительного правоведения. Третья категория критериев научности сравнительного правоведения — это критерии институционально-организационные. Как и всякая наука, сравнительное правоведение включает в себя разные институционально-организационные формы научно-познавательной деятельности: научное сообщество юристов-компаративистов, систематические научные сравнительно-правовые исследования и публикации, научные периодические издания, специализированные международные и национальные научно-исследовательские школы, центры и институты, конгрессы, конференции, семинары, системы преподавания и подготовки со-

ответствующих кадров — юристов-компаративистов (факультеты, кафедры, издание учебных программ и пособий) и т.д.

В историческом плане организационная институционализация сравнительного правоведения происходила начиная с конца 20-х гг. XIX в. Именно с того времени в Европе (Германии и Франции) появляются первые кафедры и журналы по сравнительному правоведению. В течение века появляются и другие институционально-организационные формы научно-познавательной деятельности в области сравнительного изучения права.

В современном мире существует разветвленная сеть институционально-организационных форм сравнительно-правовой науки. Соответствующая институционализация происходила и в постсоветском пространстве. В частности, в Украине и Российской Федерации появились соответствующие научно-исследовательские центры (Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Центр сравнительного правоведения Института государства и права им. В. М. Корецкого), научные периодические издания («Ежегодник сравнительного правоведения» (Москва), Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения» (Москва), «Порівняльно-правові дослідження» (Киев)), в систему юридического образования было внедрено преподавание учебных дисциплин по сравнительному правоведению, были созданы соответствующие кафедры, учебники и учебные пособия. Последнее десятилетие ознаменовалось большим ростом систематических сравнительно-правовых исследований: монографий, диссертаций и научных статей.

Знаменитым событием стало создание в 2006 г. Украинской ассоциации сравнительного правоведения. С того же времени под ее эгидой была заложена традиция проведения в разных городах страны ежегодных международных форумов юристов-компаративистов: конференций, дней сравнительно-

го правоведения, научных семинаров и круглых столов. В рамках этих форумов читаются открытые лекции известных украинских и зарубежных ученых, проводятся презентации книг по профилю.

Таким образом, после вышеизложенной идентификации сравнительного правоведения на основе трех категорий критериев научности не должно быть сомнений по поводу признания его самостоятельного научного статуса.

Ключевые слова: критерии научности сравнительного правоведения, онтологические критерии, гносеологические (эпистемологические) критерии, институционально-организационные критерии, концептуальная и практическая необходимость сравнительного правоведения.

В статье на основе критического анализа существующих подходов к определению статуса сравнительного правоведения и разработки трех категорий критериев (онтологических, эпистемологических и институционально-организационных) излагается авторское обоснование его научности, а также концептуальной и практической необходимости.

У статті на основі критичного аналізу існуючих підходів до визначення статусу порівняльного правознавства та розробки трьох категорій критеріїв (онтологічних, епістемологічних та інституційно-організаційних) викладається авторське обґрунтування його науковості, а також концептуальної та практичної необхідності.

In article on the basis of critical analysis of existing approaches to the definition of status of comparative law and on the basis of elaboration of three categories of criteria (ontological, epistemological and institutional-organizational) author's substantiation of scientific character of comparative law, as well as its conceptual and practical necessity, is stated.

Литература

1. Bogdan M. *Comparative Law* / M. Bogdan. — Kluwer ; Stockholm : Norstedts Juridik ; Oslo : TANO, 1994. — 245 p.
2. Ильин В. В. *Критерии научности знания* / В. В. Ильин. — М. : Высш. шк., 1989. — 127 с.
3. Кезин А. В. *Научность: эталоны, идеалы, критерии: критический анализ методологического редукционизма и плюрализма* / А. В. Кезин. — М. : Изд-во МГУ, 1985. — 128 с.
4. Кохановский В. П. *Философские проблемы социально-гуманитарных наук (формирование, особенности и методология социального познания)* / В. П. Кохановский. — Ростов н/Д : Феникс, 2005. — 320 с.
5. *Философия науки* / под ред. С. А. Лебедева. — М. : Акад. проект : Трикста, 2004. — 736 с.
6. Иеринг Р. *Дух римского права на различных ступенях его развития. Ч. 1* / Р. Иеринг. — СПб. : Тип. В. Безобразова и Ко, 1875. — 321 с.
7. Сабо И. *Теоретические проблемы сравнительного правоведения* // *Сравнительное правоведение : сб. ст. / отв. ред. В. А. Туманов.* — М., 1978. — С. 54–75.
8. Кант И. *Сочинения. Т. 2* / И. Кант. — М., 1964. — 510 с.